

«С

Красная звезда. - 1995. - 19 сент.

Взгляд
сквозь
годы

орок первый», «Баллада о солдате», «Чистое небо» - эти и другие фильмы одного из самых почитаемых кинорежиссеров современности народного артиста СССР Григория Чухрая неразрывно связаны с военной тематикой, понятиями воинского долга и чести, ответственности перед Отчизной и нравственного выбора. И это не случайно. Вместе со своими героями фронтовик прошел трудными дорогами войны, видел героизм и предательство, жестокость и сострадание, поражения и победы. В преддверии 50-летнего юбилея (10.11.94) мы рассказывали о нелегком фронтовом пути и творчестве Григория Чухрая. В публикуемых сегодня воспоминаниях солдата и режиссера (полностью материал можно прочитать в очередном номере журнала «Родина») речь идет о правде войны, разной для маршала и рядового, об ее изначальной несправедливости к человеку, о нашем прошлом, настоящем и будущем.

Сейчас, в наше смутное время, один бойкий юноша говорил мне: «Почему я должен помнить о том, что было 50 лет назад? Вы победили в Великой Отечественной войне - вы и радуйтесь». Бедный юноша. То, что происходит сейчас, вот этот разговор, через минуту станет прошлым. Но не исчезнет: останется в нашей памяти. Отнимите у человека память, и он превратится в беспомощное, ни на что не годное существо. Есть и другая память - историческая. Цена у нее огромная - она делает человека частью народа. Уберите эту память - и нет народа, есть толпа, без прошлого и без будущего.

Для того чтобы победить страну, необязательно завоевывать ее силой оружия - надо лишить народ исторической памяти, охаять все лучшее, что было в его истории, и страна сама развалится. Не это ли произошло с нами?

«Надо не волноваться и ждать»

Я видел потом в фильмах о начале войны: как узнают, что война, сразу в слезы!

В жизни было не так. И в тылу, и в армии у нас настроение было приподнятое: ну, немцы, дураки! Они вообще-то соображают, что делают? Это ж они на нашу страну, на нашу армию, самую сильную в мире, войной пошли! Да две недели - и от них ничего не останется! Получилось иначе...

На третий или четвертый день боев под Сталинградом нам в окопах прочитали знаменитый приказ № 227: организуются - по примеру немцев - заградотряды и штрафные роты (немцы такие отряды стали создавать после поражения под Москвой). В приказе прямо было сказано: не следует ли нам поучиться у немцев...

Теперь умники говорят: еще бы вы не стояли насмерть: сзади у вас были заградотряды, впереди немцы - вам некуда было деться, вы и воевали. Глупости! На заградотряды мы даже и особого внимания не обратили; мы считали это нормальным. Да представьте себе психологию бойца: я буду воевать, а рядом со мной побегут трупы и устроят панику, а что такое паника, мы уже знали. И знали, что трусов надо расстреливать!

Запали в сердце слова того приказа: «У нас уже нет преимущества перед противником ни в живой силе, ни в вооружении, ни в продовольствии... Отступать дальше - значит, загубить наш народ, загубить Родину...»

Умникам, для которых слово «Родина» ничего не значит, не понять, как действовали на солдат вышеприведенные слова.

Перед началом боев к нам в дивизию прибыл инструктор по борьбе с танками.

- Надо не волноваться и ждать, учил он. - И не вздумай бросать бутылку ему в лоб. Бутылка согрится, а танку хоть бы что. Ты себя обнаружишь, он начнет утюжить окоп и похоронит тебя живо. Надо не волноваться, а пропустить его над собой и бросить ему бутылку в радиатор - у него радиатор сзади, да бросить так, чтоб бутылка разбилась. Тогда танку конец. Но нужно иметь в виду, что за каждым танком идет пехота: от семи до двадцати одного автоматчика...

Последние слова инструктора покрыл оглушительный хохот. Так как же его подбить? Его же подбить невозможно! Этот хохот и был знаком нашей непобедимости. Невозможно! И все-таки перед фронтом нашей дивизии запылали десятки танков. Был день, когда бойцы нашего 84-го полка зажгли около ста танков.

«Страх правит миром», - говорил Адольф Гитлер. Так же рассуждают современные «умники». Но теми, кто поджигал немецкие танки, правил не страх. Немцы за восемь недель овладели Францией. Столько же им понадобилось, чтобы прорвать на флангах нашего фронта те участки, где стояла пехота, десантников они прорвать не смогли. Нас окружили, и мы стали выходить из окружения.

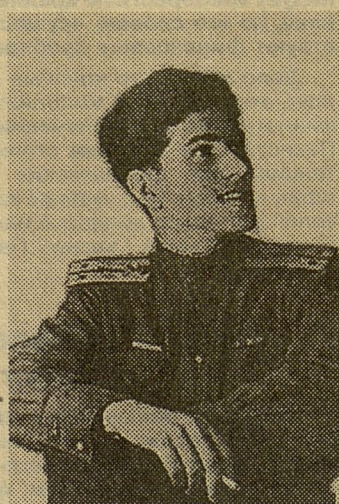
Война солдатская

Окружение страшно не потому только, что кругом враги, а потому, что расходуются боеприпасы, медикаменты, продовольствие, а нового не поступает. Солдат оказывается без оружия. А с голыми руками против тан-

ков не пойдешь.

Тяжело было выходить из окружения... Мы выходили не для того, чтобы уйти из войны; мы выходили, чтобы тотчас занять оборону. Мы, десантники, в отличие от пехоты знали, как выходить.

Приехал наш контуженный генерал и стал разыгрывать Ча-

Григорий ЧУХРАЙ:

Мы не из пугливого поколения

паева: «А винтовка твоя где?!»

А винтовка на дне: бросили, когда переплывали Дон под огнем пулеметов.

Генерал спрашивает: «Сколько у тебя осталось людей?» - «Шестеро» - «Из целой роты у тебя осталось шесть человек!!!» - орет на меня.

Я ему: «А у тебя из дивизии сколько осталось?» Тут он мне: «Ладно, ладно, помалкивай!» Он меня по-человечески наказать не мог, потому что я однажды его спас: вытащил контуженного. Привезли нам в грузовиках оружие, мы заняли участок фронта, шесть километров, а нас 800 человек. И мы перебежали по окопам и открывали огонь, чтобы немец думал, что нас много.

Отступили мы так до Балки Ежовской; народу у нас поубавилось вдвое, и тут немец взял нас в клещи. Боеприпасов нет, продовольствия нет. Связи тоже нет: батареи в рации сели. Помощи нет, и вызвать нельзя. Мне говорят: «Иди сам с донесением». Взял с собой своего друга Павла Кирмаса. И от «Смерша» нам дали солдатика. Пошли втроем. Идем туда, где есть проход: немцы клещи не замкнули. Вдруг вижу: бежит оттуда человек с оторванной челюстью, и у него язык болтается, и кровь льется водопадом! А как можешь? Так он мимо нас и пробежал в сторону медсанбата. Страшное зрелище.

Засветло дошли мы до прохода, а там горы убитых. Решили ждать темноты. Мальчишка, что к нам от «Смерша» приставлен, начинает напирать: «Что это мы ждем! Там люди гибнут, а мы тут отлеживаемся!» Я ему: «Заткнись, ты, видно, фронта еще не нюхал». - «Ну, если вы такие трусы, то я пойду!» И полез. Тотчас его подстрелили. Лежит в крови, кричит: «Ребята, помогите!» Потасили его на себе. То Павел его тащит, мой дружок, украинец, то я. Доползаем до какого-то окопчика, слышим: кто-то зовет. Видим: лежит раненый, весь в крови, совершенно безнадёжный, с перебитым позвоночником: верхняя часть туловища под острым углом к нижней. Просит: «Пристрелите меня». Ну как его пристрелишь? «Извини, парень, не можем». А раненый нас материт: «Сволочи, трусы, что же вы уходите, пристрелите меня!»

Тут Павел поворачивает и ползет к нему. Слышу: «Закрой глаза...» Тот кричит: «Да стреляй скорее, стреляй!!» Выстрел...

Подползает Павел. А уже затрещали на его выстрел немецкие пулеметы, ракеты повисли осветительные. Смотрю я на него, а у него челюсть прыгает.

Война маршальская

В фильме Василия Ордынского «Если дорог тебе твой дом» по сценарию К.Симонова и Е.Воробьева были задуманы высказывания маршалов Жукова, Рокоссовского и Конева - героев обороны Москвы.

Беседа с маршалами запомнилась мне на всю жизнь. Вопросы мои бывали и примитивны, и глупы. Жуков обычно выслушивал их внимательно, с ответами не спешил, видимо, искал простую, понятную мне форму и, помолчав, отвечал. Его ответ бывал точен, как формула.

Меня интересовала личность И.В.Сталина. Я хотел показать его в моем фильме.

- И все-таки, - спрашиваю я, - чем объяснить поступки Сталина перед войной и в первые месяцы войны?

Георгий Константинович смотрит в пол. Я думаю: бестактный вопрос (тогда ведь далеко не все было ясно и известно о начале войны). Наверно, он не хочет об этом говорить.

Георгий Константинович поднимает глаза на меня и произносит четко: «Сталин боялся войны. А страх - плохой советчик».

Сегодня, вспоминая эти слова Жукова, я могу оценить их мудрость и глубину.

С Иваном Степановичем Коневым я контакта не нашел. Он был

молчалив, в особенности в присутствии Жукова.

А однажды произошло такое, чего никто не мог себе представить. Показывали материал Жукова. Маршалы смотрели его в молчании. Во время просмотра материала Конева Жуков раздраженно сказал: «Эдак ты договоришься до того, что попасть в немецкий плен - большой подвиг!» На что Конев что-то пробурчал в ответ.

Потом зажгли свет. Оказывается, еще не принесли коробки с пленкой Рокоссовского. Я на какое-то время отвлекся. Вдруг какой-то шум. Оглядываюсь и столбенею: Жуков и Конев вцепились друг в друга и трясут за грудки. Мы бросились разнимать их. Жуков быстро уехал. Вслед за ним ушел и Конев. Рокоссовский остался досматривать свой материал. Был он чертовски красив, вежлив со всеми. В нем были воля и решимость, и мужество военачальника, но порой проступала такая человеческая теплота, даже лиричность.

- Я самый несчастный Маршал Советского Союза, - сказал он однажды с милым мне польским ак-

центом. - В России меня считали поляком, а в Польше - русским. Я должен был брать Берлин, я был ближе всех. Но позвонил Сталин и говорит: «Берлин будет брать Жуков». Я спросил: «Товарищ Сталин, за что такая немилость?» (Слово «немилость» в его устах звучало по-польски). Сталин ответил: «Это не немилость, это политика». И повесил трубку.

С Рокоссовским разговаривать было просто. Он был по-военному точен в ответах и по-человечески открыт.

- Скажите, - спросил я, - что произошло между Жуковым и Коневым?

- Это старая история, - ответил Константин Константинович.

...В 1941 году под Москвой Рокоссовский командовал армией. Фронтом командовал Конев. Обстановка сложилась очень тяжелая. Вдруг от Конева приходит приказ: немедленно передать участок генералу Ф.А.Ершакову, а самому со штабом 16-й армии 6 октября прибыть в Вязьму.

- Я объясняю по телефону, - вспоминал Константин Константинович, - что в существующей ситуации оставить армию не могу. Конев настаивает: «Выполняйте приказ!» Я говорю: «Пришлите письменное подтверждение приказа - я подчинюсь».

Приходит письменный приказ. Рокоссовский берет несколько помощников и отправляется в Вязьму. Приезжает, а там ни армии, ни фронта. Солдаты групами отступают. Рокоссовский останавливает отступающих, организует оборону. Является к Коневу в штаб фронта, а там - высокие гости: Ворошилов и Молотов.

Рокоссовский входит, докладывается. И тут Ворошилов бросается на него с наганом:

- Сукин сын! Предатель, сволочь! В такой момент оставил армию! Пристрелю!

- Товарищ маршал, я выполнял приказ, - говорит Рокоссовский и смотрит на Конева. Конев молчит. Тогда Рокоссовский достает приказ и подает Ворошилову. Тот читает и с наганом бросается на Конева с такой же бранью.

Оружие у маршала отняли, но на этом история не кончилась. Когда Сталин узнал, что Конев поставил Москву перед катастрофой, он приказал Жукову отдать Конева под трибунал. Жуков возразил: «Товарищ Сталин! Конев - талантливый полководец».

Сталин ему что-то отвечает. Жуков: «Ну, уничтожим ЕЩЕ ОДНОГО полководца, а где взять замену?» (Можно представить себе подтексты этой фразы. - Г.Ч.). После паузы Сталин говорит недовольно: «Действуйте, как считаете нужным». И кладет трубку. «Жуков спас тогда Конева от смерти, - завершает свой рассказ Рокоссовский. - Но первый, кто предал Жукова в период хрущевской опалы, - был Конев».

* * *

Однако завершаю историю фильма «Если дорог тебе твой дом». Фильм вышел на экраны. И тут события развиваются так: Жуков приходит в какой-то кинотеатр смотреть картину. Публика его узнает и устраивает ему овацию. В «Правде» появляется маленькая заметка, рассказывающая об этом эпизоде. Она была воспринята как знак реабилитации Жукова.

Сегодня многие «умники» в печати рисуют время моего поколения как время страха и покорности. Это вранье. Не такие уж мы были пугливые. Мы побывали на войне, и нас трудно было чем-либо напугать. Налетают «умники» и на Жукова. Нет-нет да и появится какая-нибудь статья с «разоблачениями» великого советского полководца. Прямо по басне: осел пинает мертвого льва.

Историю нельзя взвешивать на провизорских весах. Строить новую жизнь - значит, помнить все: и плохое, и хорошее. Плохое - чтобы не тащить в настоящее грязь и кровь прошлого, хорошее - чтобы, опираясь на него, уверенно двигаться вперед.

60